

а национальный доход уменьшился всею тою суммою продуктов, которая производилась бы этими 10 000 фунтов, если бы они были употреблены как капитал. Потеря не падает на владельца уничтоженного капитала, потому что человек, уничтоживший его капитал, обязался вознаградить его. Но потеря этого человека составляет только небольшую часть потери, которой подвергалось через него общество, потому что на потребление собственника шли только проценты, а самый капитал употреблялся или должен был употребляться на нескончаемое содержание известного числа работников, постоянно воспроизводящих то, что потребляли; этого средства к жизни они теперь лишены безвозвратно.

Изменим еще нашу гипотезу и предположим, что капитал занят не землевладельцем, а государством. А ссужает свой капитал правительству на ведение войны; он покупает у государства так называемые государственные фонды, то есть обязательства, по которым правительство должно платить известный ежегодный доход. Если бы правительство употребило деньги на построение железной дороги, это было бы производительным употреблением, и имущество А послужило бы капиталом. Но деньги эти употреблены на войну, то есть на жалование офицерам и солдатам, ничего не производящим, и на безвозвратное уничтожение известного количества ядер и пуль; потому правительство находится в положении С, расточительного землевладельца, и 10 000 фунтов А составляют уничтоженный национальный капитал; с точки зрения производства или богатства, эти деньги все равно, что брошены в море, хотя и может быть, что их употребление оправдывается другими соображениями. Доход, который будет получать теперь А, получается не из продуктов его капитала, а из налогов, берущихся с продуктов остального капитала общества. Капитал, принадлежавший А, не дает обществу никаких продуктов в вознаграждение за эти уплаты, он потерян и погиб, и теперь А имеет уже только право на продукты, производимые капиталом и промышленностью других людей. Правда, он может продать это право, получить за него сумму ценностей, равную его бывшему капиталу, и может потом употреблять его производительным образом. Но он эту продажей возвратит себе не прежний свой капитал и не продукты им произведенные: капитал их уничтожился вместе с продуктами, которые мог бы произвести. Теперь А приобретает уже капитал какого-нибудь другого лица, соглашающегося променять свой капитал на его право брать доход из налогов. На место А становится кредитором общества другой капиталист, владевший имуществом, которое употреблялось или могло употребляться на производство. От этого обмена производительные силы общества не увеличились и не уменьшились. Убыль нанесена капиталу страны тогда, когда правительство взяло деньги А: этим была взята из производительного употребления или отвращена от него ценность в 10 000 фунтов, заменена правом на непроизводительное потребление и безвозвратно растрочена.

Глава V

Основные теоремы относительно капитала

1. Если предыдущие объяснения были удовлетворительны, то они с достаточною полнотою представили читателям понятие о капитале, достаточно ознакомили их с ролью капитала в конкретных случаях среди темноты, которую окружают это понятие обстоятельства отдельных фактов, и теперь даже тот, кто не был приготовлен к этим соображениям, может уже понять основные теоремы относительно капитала. Полное понимание этих теорем составит уже значительный шаг из темноты к свету.

Вот первая из этих теорем: размер промышленности ограничен размером капитала. Эта истина так очевидна, что часто принимается за бесспорную в разговорной речи. Но замечать иногда истину еще совершенно не то,

что признавать ее всегда и не допускать мнений, не согласных с нею. До последнего времени законодатели и публицисты почти постоянно пренебрегали аксиомой, которую мы представили; до сих пор чрезвычайно часто излагаются мнения не совместные с нею.

Вот выражения разговорной речи, основанные на принятии этой истины. Обращение промышленных сил на какое-нибудь определенное дело выражается фразой «приложение капитала» к этому делу. Обращать промышленные силы на обработку земли значит прилагать капитал к земле. Употреблять труд на фабричное производство значит прилагать капитал к этому производству. Такими выражениями предполагается, что промышленность не может получить размера, превосходящего капитал, который можно затратить на нее. В самом деле, кто ясно понимает эту мысль, не может не согласиться с ней. Разумеется, фраза «приложение капитала» есть выражение метафорическое: в сущности прилагается к делу труд, а капитал служит только необходимым условием для того. Мы часто говорим о «производительных силах капитала»: это выражение не совершенно правильно. Производительные силы только труд и природа; и если, расширяя смысл выражения, можно сказать о какой-нибудь части капитала, что она имеет производительную силу, то сказать это можно только об инструментах и машинах: они, подобно ветру или воде, принимают участие в труде. Пища работников и материалы производства не имеют производительной силы; но труд может проявлять свою производительную силу только тогда, когда снабжен ими. Размер промышленности не может быть больше того, на сколько снабжена она материалами для обработки и пищею для прокормления. Это дело очевидное; но при всей его очевидности часто забывают, что народ известной страны содержится и удовлетворяет своим потребностям не из продуктов настоящего своего труда, а из продуктов прошедшего труда. Люди потребляют то, что уже произведено, а не то, над производством чего еще трудятся. А из того, что произведено, только часть отдается на содержание производительного труда; размер этого труда не бывает и не может быть больше того, сколько его может быть прокормлено и снабжено материалами и орудиями производства на ту часть продуктов, которая идет на него и составляет капитал страны.

Несмотря на очевидность этого факта, долго думали, что законы и правительства могут создавать промышленность, не создавая капитала. Правительство косвенным образом может в известной степени содействовать тому, чтобы народ делался более трудолюбив, или успешность его труда увеличивалась; но думали, что правительство может развивать промышленность не этим путем. Полагали, что хотя бы искусство и энергия работников не увеличивались, хотя бы не были заставляемы работать люди, которые прежде содержались в праздности, правительство все-таки может создать большее количество промышленных дел, не увеличивая запаса, на который производится промышленность. Запретительными законами правительство прекращало ввоз какого-нибудь товара; заставив тем, производить этот товар дома, оно хвалилось, что обогатило страну новой отраслью промышленности, выставляло на похвалу в статистических таблицах количество полуученного продукта и труда, употребленного на производство, и объявляло всю эту сумму выигрышем для страны, доставленным ей через запретительный закон. В Англии политическая арифметика этого рода несколько потеряла свой кредит, но у наций континентальной Европы она еще процветает. Если бы законодатели понимали, что размер промышленности ограничен размером капитала, они понимали бы, что когда масса капитала страны не увеличилась, то часть капитала, обращенная их законами на новоприобретенную отрасль промышленности, отнята у какой-нибудь другой отрасли, в которой она давала занятие, вероятно, почти такому же количеству труда, какому дает занятие в новом деле*.

* Надобно сказать, что исключением из этого бывает, когда промышленность, создаваемая или поддерживаемая запретительным законом, при-

2. Если размер промышленности ограничен размером капитала, из этого еще не должно заключать, чтобы он всегда достигал такого предела. Быть может, что нельзя получить такого числа работников, какое мог бы содержать и употреблять на дело капитал. Это, как известно, случилось в новых колониях, где капитал пропал иногда бесполезно, по недостатку рабочих сил; примером тому служила колония Лебединой Реки (Swan River) в первые годы по своему основанию. На существующий капитал живут многие люди, которые не производят ничего или могли бы производить больше, нежели производят. Если работники будут сведены на более низкую плату или склонены к тому, чтобы за прежнюю плату работать больше часов, или если их семейства, которые уже содержатся из капитала, будут в большем

надлежит к разряду так называемых домашних изделий. Эти изделия производятся людьми, которые уже имеют продовольствие от другого дела, производятся работающими семействами в промежутки от других занятий; потому для ведения этой промышленности не нужно переносить на нее от других промышленности никакого капитала, кроме того, сколько стоят материалы и орудия, ценность которых часто бывает незначительна. Итак, если покровительственная пошлина бывает причиною занятия домашним промыслом, которым без нее не занимались бы, то она действительно увеличивает производство страны.

Мы должны были сделать это исключение, чтобы придать полную неопровержимость нашему теоретическому выводу; но этот особенный случай не касается учения о свободной торговле практическим образом. По самой сущности дела, домашние изделия не нуждаются в покровительственных пошлинах: продовольствие работников доставляется из других источников, и потому как бы ни понижалась цена домашнего изделия, она почти вся составляет чистый барыш для работников. Если домашние изделия прекращаются от соперничества привозных, это бывает не от необходимости, а оттого, что продукт не стоит употребляемого на него труда, по мнению лучших судей этого вопроса, тех людей, которые производят продукт и употребляют на него труд. Издержка на покупку платья кажется им менее обременительною, нежели труд на домашнее приготовление платья, и они не хотят продолжать этого труда, потому что общество не дает им за него больше, чем стоит их продукт по собственному их мнению. *Прим. авт.*

Нам кажется, что Милль в этом случае слишком легко говорит о деле, которое можно решить только посредством очень внимательного расчета. Мы не будем вдаваться здесь в специальные исследования, которые заняли бы слишком много места, а заметим только одно обстоятельство. Домашними изделиями работники и их семейства занимались в промежутках от других дел. Когда занятие домашним изделием прекращается, эти промежутки времени остаются без производительного дела. Ясно, что производство страны от этой перемены уменьшилось. Будет ли вознаграждена эта потеря употреблением незанятых промежутков на умственное образование, или на здоровый отдых, или на что-нибудь другое полезное, это еще вопрос: а то, что потеря есть, это уже бесспорно. Итак, всякое уменьшение занятий домашними изделиями представляет для общества и для самих работников риск безвозвратной потери. Конечно, мы замечаем это вовсе не в защиту протекционных пошлин, которые не затем и существуют, чтобы поддерживать какие-нибудь мужицкие изделия для собственного же мужицкого употребления. Мы хотим только сказать, что всякая перемена, уменьшающая трудолюбие в народе, отнимающая у него охоту дорожить каждою минутою, не выгодна для страны. Если домашние изделия выходят из употребления по несоответственности с модным вкусом, то едва ли не всегда их прекращение оказывается убыточным для страны и для работников. Но тут надобно заботиться не о сохранении протекционного тарифа, а о том, чтобы в обществе развивалась простота вкусов, привычка дорожить временем и возможность обращать на пользу каждую минуту его. — *Прим. переводч.*

против прежнего размере содействовать увеличению производства, то данный капитал доставит занятие большему количеству производства. Непроизводительное потребление производительных работников, которое все получается теперь из капитала, могло бы прекратиться или быть отсрочено до получения продукта, и на эту сумму было бы можно содержать еще известное число работников, кроме нынешнего. Этими способами общество могло бы получить от своих существующих средств большее количество продуктов; и оно бывало принуждаемо прибегать к таким способам, когда, при внезапном уничтожении значительной части его капитала, становилось делом главной важности то, чтобы употребить остальной капитал с наибольшим размером действия.

Где промышленность не достигает предела, назначаемого ей капиталом, правительства могут приближать ее к этому пределу различными способами, например тем, чтобы привозить новых работников; так привозятся кули и свободные негры в Вест-Индию. Правительства могут увеличивать размер промышленности и другим способом: они могут создавать капитал. Они могут налагать подати и обращать их на производительное употребление. Они могут делать еще другую вещь, имеющую почти такое же значение: налагать подати на доход или предмет расхода и употреблять получаемые суммы на уплату государственных долгов. Рентьер, у которого выкуплены облигации государственного долга, захочет попрежнему получать доход от своей собственности и большая часть ее обратится на производительное употребление, а между тем значительная часть этой суммы взята из доходов, обращавшихся на непроизводительное употребление, потому что человек платит не весь налог из той части имущества, которую сберегает, а некоторую, если не главную, долю налога платит из той части, которую иначе израсходовал бы. Надобно прибавить, что всякое увеличение производительной силы капитала (или, точнее говоря, труда), порожаемое техническими усовершенствованиями или другими причинами, ведет к увеличению количества труда, содержащего капиталом: при увеличении массы продуктов некоторая часть прибавочного количества, конечно, всегда будет сбережена и обращена в капитал. Тем более надобно ждать этого, когда увеличение выгодности производства служит усилением побуждения обращать запасы от непроизводительного назначения к производительному.

3. Размер промышленности ограничен размером капитала, и потому каждое увеличение капитала дает или может давать большее количество занятий для промышленности; этому возрастанию нельзя назначить пределов. Я вовсе не отрицаю того, что капитал или часть капитала может получить употребление, непригодное для содержания работников, может быть изъята из оборота обращением в машины, постройки, сельскохозяйственные улучшения и т. д. При каждом большом возрастании капитала значительная часть его всегда получит такое употребление и будет только содействовать труду работников, а не содержать их. Но я хочу сказать то, что часть капитала, назначенная на содержание работников, может (при предположении неизменности других условий) быть увеличиваема выше всякого данного размера, и все-таки будет можно найти занятие для работников; выражаясь иначе, если есть люди; способные работать, и есть пища для их прокормления, то они всегда могут быть употреблены на производство чего-нибудь. На этой теореме надобно несколько остановиться, потому что она принадлежит к числу тех, с которыми люди легко соглашаются в виде общих формул, но от которых они расположены отступать в хаосе действительных фактов общественной жизни; притом же теорема эта сильно противоречит обыкновенным мнениям. К числу мнений, наиболее распространенных между людьми, принадлежит то, что непроизводительные расходы богатых необходимы, чтобы дать занятие бедным. До Адама Смита почти никто не сомневался в справедливости такого мнения; да и после Адама Смита писатели, очень знаменитые и действительно заслуживающие уважения (например, Мальтус, Чомерс, Сисмонди), утверждали, что если бы потребители стали сберегать и обращать в капитал слишком большую часть своего дохода

и если бы они не обращали на непроизводительное потребление суммы средств, находящуюся в известной пропорции к капиталу страны, то эта прибавка к сбережению была бы просто потерей для общества, потому что не было бы рынка для сбыта товаров, которые произвел бы капитал, созданный таким образом. Я считаю это за одну из тех многочисленных ошибок, которые происходят в политической экономии, когда мы не начинаем исследования с простейших вопросов, а прямо бросаемся в запутанные конкретные феномены.

Каждый может видеть, что если бы доброжелательное правительство владело всею пищею, всеми инструментами и материалами общества, то оно могло бы требовать производительного труда от всех, кого допускает к участию в пище и никогда не имело бы затруднения в том, чтобы найти поле для занятия этому производительному труду; потому что пока оставалась бы неудовлетворенной чья-нибудь и какая-нибудь потребность, требующая удовлетворения материальными предметами, труд общества мог бы быть обращен на производство чего-нибудь, способного удовлетворить этой потребности. Частные люди, владеющие капиталом, увеличивая его новыми накоплениями, делают точно то же самое, что в нашем предположении делалось бы доброжелательным правительством. Можно предполагать гипотетическим образом какие угодно случаи, потому вообразим самый крайний случай, какой только можно представить. Предположим, что каждый капиталист дошел до такого мнения, что, не имея заслуг более, чем хороший работник, он не должен жить лучше работника, и что, сообразно такому внушению совести, все капиталисты сберегают весь излишек своей прибыли; или предположим, что эта воздержность производится не собственным их желанием, а налагается законом или общественным мнением на всех капиталистов и на всех землевладельцев. Итак, непроизводительные расходы приведены к наименьшему размеру; спрашивается теперь, какое употребление себе найдет увеличившийся капитал? Кто станет покупать товары, им производимые? Нет покупателей и на те товары, которые уже были произведены в прежнее время. Итак, товары останутся непроданными, говорят нам; они будут тлеть в кладовых, пока капитал уменьшится до своей прежней величины или, точнее сказать, до величины меньшей прежнего на ту пропорцию, на какую уменьшился запрос со стороны потребителей. Но говорить это значит видеть только одну половину дела. В предполагаемом нами случае не было бы со стороны капиталистов и землевладельцев запроса на предметы роскоши. Но, когда эти сословия обращают свой доход в капитал, они не уничтожают этим свою силу потребления, они только переносят ее от себя на работников, которым дают занятие. Относительно работников можно сделать два предположения: в числе их происходит увеличение, пропорциональное увеличению капитала, или не происходит такого увеличения. Если оно происходит, вопрос не представляет затруднения: производство предметов необходимости для нового населения займет место производства предметов роскоши для части прежнего населения и доставит ровно такое же количество занятия, какое было утрачено. Но предположим, что население не возросло. Все, что прежде расходовалось на предметы роскоши капиталистами и землевладельцами, распределяется между существующим числом работников под формою увеличенной рабочей платы. Предположим, что эти работники уже и прежде были достаточно снабжены предметами необходимости. Что же теперь будет? Будет то, что работники станут потребителями предметов роскоши, и капитал, прежде употреблявшийся на производство предметов роскоши, попрежнему может употребляться тем же путем; разница только в том, что предметы роскоши распределяются по всему обществу, между тем как прежде распределялись только между немногими людьми. Строго говоря, увеличение сбережений и увеличение производства могло бы продолжаться до того, пока каждый работник стал бы иметь все удобства богатства, совместные с продолжением труда, предполагая, что сила труда работников физически достаточна для произведения всей массы этих удобств для всего числа работников. Таким образом, границу богатства никак не может слу-

жить недостаток потребителей, а служит ею только недостаточное количество производителей и производительных сил. Каждое увеличение капитала дает труду или увеличение занятия или увеличение вознаграждения, обогащает или страну, или рабочий класс. Если новый капитал находит новые руки для занятия делом, он увеличивает общую массу продуктов; если он не находит новых рук, он дает прежним рукам большую пропорцию продуктов, и даже в этом случае может увеличить общую массу продуктов, возбуждая работников к более усердному труду*.

4. Вторая основная теорема о капитале относится к источнику, из которого он происходит. Капитал есть результат сбережения. Полное доказательство тому находится в объяснениях, уже изложенных нами; но самая теорема требует еще новых объяснений.

Если бы каждый расходовал на личные надобности и удовольствия все, что производит, и весь доход, получаемый им из продуктов других людей, то капитал не мог бы возрастать. Весь капитал, за ничтожным исключением, был первоначально результатом сбережения. Я говорю, однако же, о некотором исключении; оно ничтожно, но оно существует. Человек, трудящийся на свой собственный счет, может расходовать на себя все, что производит, и не

* Вопрос так ясен, и мысль, доказываемая Миллем, так бесспорна, что изумительно казалось бы, как могли держаться противного мнения столь замечательные писатели, как Сисмонди и Мальтус. Но дело в том, что их мысль о пользе, будто бы получаемой бедняками от роскоши богатых, была совершенно нелепая, была только неловким способом объяснить факт, состоящий в частых остановках фабричного производства от недостатка заказов и в коммерческих кризисах. Они делали фальшивое заключение, когда полагали, что прекращение роскоши могло бы усилить обременительность таких явлений, которые собственно и производятся непропорциональным со средствами общества распределением рабочих сил между производством предметов первой необходимости и предметов роскоши, слишком большою тратой труда на предметы роскоши и на занятия совершенно непроизводительные. Этот предмет мы вполне можем изложить, только познакомившись с теориею ценности, стоимости и цены. Но теперь заметим одно обстоятельство: теорема, что каждое увеличение капитала выгодно или для производства или для благосостояния работников, справедлива относительно капитала в научном смысле слова, то есть относительно части продуктов, употребляемых на производство. Но выйдет самая вздорная путаница, если эту теорему отнести ко всякому вообще богатству, как делают французские экономисты, называющие капиталом всякую массу ценностей, из каких бы предметов ни состояла она и на что бы ни употреблялась; между тем, как есть обширные разряды ценностей, непригодные по своей натуре к обращению на производство, и чем больше сил употребляет общество на производство таких предметов, чем большую массу их получает, тем больше оскудевают его производительные силы. Например, положим, что в обществе, имеющем 100 человек работников, 90 были заняты производством хлеба, а 10 производством бронзы. Положим, что открыт новый, лучший способ производить бронзу, что она стала стоить вдвое меньшего труда, потому цена ее понизилась вдвое, и оттого сбыт ее увеличился вдвое. Теперь, чтобы сделать второе больше бронзы, при способе производства вдвое легчайшем, на это дело потребуется 15 работников вместо прежних 10, а на производство хлеба останется только 85 работников, ясно, что в обществе будет производиться хлеба меньше, чем прежде, и оно обеднеет. Можно сказать: «число населения может возрасти, так что восстановится прежняя пропорция землевладельцев к бронзовщикам». Но в отделе о ренте мы увидим, что положение общества не улучшается, а становится хуже, когда увеличение населения вызывается чем бы то ни было, кроме чрезмерного пространства невозделанной земли очень хорошего качества, или улучшений в земледелии. Здесь нет ни того, ни другого обстоятельства, потому положение общества станет еще хуже, если его население увеличится.

будет становиться беднее; запас продуктов, которым он продовольствуется, пока соберет свою жатву или продаст свое изделие, служит капиталом; но нельзя сказать, чтобы этот запас сберегался, потому что весь он употребляется на надобности этого человека и расходуется, быть может, столь же быстро, как расходовался бы в праздности. Мы можем вообразить, что известное число лиц или семейств живут каждое на своем участке земли, каждое продуктами своего собственного труда, и что каждое из них потребляет весь продукт. Но даже и они должны сберечь (то есть не обратить на свое личное потребление) ту часть продукта, которая необходима на посев. Итак, даже в этом простейшем состоянии экономических отношений нужно было сделать некоторое сбережение: люди эти должны были произвести больше, чем потребили, или потребить меньше, чем произвели. Еще больше нужно им сделать сбережения, чтобы нанять других работников или увеличить свое производство до такого размера, какой не может совершаться собственным трудом их рук. Все продукты, употребляемые человеком на содержание и ведение чьего-нибудь труда, кроме своего собственного труда, должны были первоначально быть собраны сбережением; кто-нибудь должен был произвести их и отказаться от их употребления. Итак, не делая практической неточности, можно сказать, что весь капитал и в особенности всякое увеличение капитала — результат сбережения.

В грубом и не безопасном положении общества постоянно бывает, что капитал принадлежит не тому лицу, которое сберегло его, а какому-нибудь другому, более сильному или принадлежащему к более сильному обществу, и перешел к владельцу посредством грабежа. Даже при таком порядке дел, в котором собственности была ограждена, возрастание капитала долго происходило почти повсюду главным образом от лишений, которые хотя в сущности одинаковы с сбережением, но не называются этим именем потому, что нет в них добровольности. Действительными производителями были рабы, принужденные производить столько, сколько можно было вынудить у них силою, а в потреблении своем ограничиваться только тем, что давала им расчет их владельцев или сострадательность этих владельцев, вообще очень незначительная. Но это насильственное сбережение не породило бы никакого увеличения капитала, если бы часть продуктов, остающихся от него, не была снова сбережена, и уже добровольно сбережена, владельцем. Если бы он потреблял на личные свои надобности все, что по его принуждению произвели и оставили непотребленным рабы, он не увеличил бы своего капитала и не получил бы средства содержать большее число рабов. Да и вообще чтобы содержать какое бы то ни было число рабов, надобно было предварительно сделать сбережение, заготовить вперед какой-нибудь запас, по крайней мере пищи. Но это сбережение могло быть сделано не отказом от личных расходов, которому добровольно подвергал себя хозяин: вероятнее, что оно было бы сделано самими рабами, когда они еще были свободны, а потом насилие или война, лишившая их личной свободы, перенесла в руки победителя и продукты, ими сбереженные.

Есть еще другие случаи, в которых термин сбережение, с мыслями к нему обыкновенно принадлежащими, не применяется в точности к процессу, каким увеличивается капитал. Если, например, мы скажем, что единственный путь ускорить возрастание капитала есть усиление сбережения, то в читателе, вероятно, пробудится этим мысль о большем ограничении потребления и об увеличении лишений. Но, очевидно, что все, увеличивающее производительную силу труда, создает больший запас для делания сбережений и дает средства увеличивать капитал без всякого увеличения лишений, а, напротив, вместе с увеличением личного потребления. По научному смыслу термина, происходит сбережение и в этом случае. Правда, что потребляется больше, но и остается после потребления больше прежнего: излишек производства над потреблением тут значительное прежнее, и потому такой процесс правильно называется большим сбережением. Надобно сказать, что термин «сбережение» не совсем удобен; но всякий другой термин был бы еще менее удобен. Сбережение состоит в том, когда потребляется меньше, не-

жели производится; капитал увеличивается собственно этим процессом, а не всегда непременно уменьшением в размере потребления. Не надобно нам до такой степени порабощать себя разговорному языку, чтобы, употребляя слово сбережение в научном смысле, забывать о том, что увеличение капитала совершается не одним путем уменьшения в размере потребления, а также и другим путем — увеличением производства.

5. Третья основная теорема о капитале тесно связана со второю, теперь изложенною нами. Вот она: хотя капитал сберегается и составляет результат сбережения, но тем не менее он потребляется. Слово «сбережение» вовсе не говорит, чтобы сберегаемое не потреблялось, не говорит даже и того, чтобы потребление сберегаемого непременно отсрочивалось; оно говорит только, что если сберегаемое немедленно потребляется, то потребляется не лицом сберегающим, а другим лицом. Если продукт просто отложен для будущего употребления, то надобно сказать, что он спрятан; и пока он спрятан, вовсе он не потребляется. Но если он употребляется как капитал, то он весь потребляется, только потребляется не капиталистом*. Часть его обменивается

* В этих словах уже отразилось влияние того случайного воззрения, которое с очевидностью раскрывается последующими словами. Вместо того чтобы удерживать мысль на высоте общего анализа неизменной сущности дела, Милль уже подставляет, по забывчивости, анализ известной частной формы экономического устройства. Он говорит уже не вообще о человеке сберегающем, а только о таком человеке, у которого запас сбережений так велик, что он заставляет работать других вместо себя. Чтобы видеть ошибку, вошедшую от этой небрежности в определение процесса, которым потребляется капитал, мы представим следующий случай. Положим, что крестьянское семейство начинает ткать свое грубое сукно в тот самый день, когда снято руно с овец, и потом начинает шить платье из сукна в тот же день, как выткано сукно, и наконец начинает носить платье в тот же самый день, как сшито оно. Отсрочки потребления нет, как мы видим, ни в одном из фазисов, проходимых продуктом, и продукт потребляется теми самыми людьми, которые сберегли его; но это руно, это сукно, это платье все-таки служит капиталом, то есть орудием производства, потому что оно дает средство заниматься вне избыты земледельческими работами, которые по времени года невозможны без суконных онуч и других частей одежды, не заменяемых коротким полушубком мужика. Итак, надобно сказать, что по способу потребления продукт, служащий капиталом, от продукта, потребляемого не в характере капитала, отличается собственно только тем, что потребляется для усиления производства, а не тем, чтобы сберегался одним лицом, а потреблялся другим. Разница между лицом сберегающим и между лицом потребляющим не принадлежит сущности дела, а относится только к такой форме экономического устройства, при которой труд составляет принадлежность одних лиц, а капитал собственность других, уже не работающих руками. Итак, по сущности дела капитал есть та часть сбереженных продуктов, потребление которой нужно для успешности самого процесса труда. Например, если работнику в сырую погоду нужно выпить чарку водки, эта выпитая им чарка капитал (без нее он работал бы менее энергично, и продукта получилось бы меньше). Мы делаем это и многие другие подобные замечания не потому, чтобы сами по себе они имели большую важность; но необходимо нам показывать, хотя в некоторых случаях, как уклоняются писатели школы Смита от принципов и приемов собственной своей теории, смешивая по забывчивости сущность дела с его случайною формою. Мы пропускаем множество подобных уклонений без замечок, чтобы не слишком утомлять читателя, а если бы не боялись этого, то должны были бы делать таких поправок на текст Милля в десять раз больше, нежели делаем. Что же касается до других экономистов, то у каждого из них неточностей еще в десять раз больше, чем у Милля. Милля мы собственно и выбрали для перевода потому, что как ни много у него ошибок, но все-таки несравненно меньше, чем у всякого другого писателя школы Смита. Впоследствии мы приведем по

на орудия или машины, изнашивающиеся от употребления: часть на семена или материалы, которые уничтожаются в прежнем своем виде посевом или обработкою и совершенно уничтожаются потреблением окончательного продукта. Остальная часть уплачивается производительным работникам, потребляющим эту плату на свои ежедневные нужды; а если работники и сберегут часть платы, то она, говоря вообще, не прячется, а посредством сберегательных касс и других подобных учреждений снова обращается в капитал и потребляется.

Принцип, нами изложенный, служит сильным примером необходимости внимательно вникать в самые элементарные истины нашей науки: это одна из самых элементарнейших истин ее, а между тем почти никто не понимает этой теоремы, если не вникал в науку, и почти никто не соглашается даже принять эту истину, когда слышит ее в первый раз. Для профана непонятно, как сберегается то, что потребляется. Для него сберегающий человек представляется человеком, прячущим деньги; он думает, что сбережение недурно, или даже похвально, когда имеет целью обеспечение семейства и тому подобные заботы; но профан совершенно не думает, что сберегать значит приносить пользу другим: сберегать, по его мнению, то же, что хранить вещь для самого себя, а растрчивать то же, что раздавать вещь по рукам других. Человек, расходующий свое состояние на непроизводительное потребление, считается разливающим благодеяния на всех окружающих его; он предмет такого сочувствия в обществе, что часть этой популярности переходит даже на человека, расточающего состояние, не принадлежащее ему, на человека, который не только уничтожает свой капитал, если когда имел его, но, под видом займа и с обещанием уплаты, овладевает даже капиталом, принадлежащим другому, и также уничтожает его.

Эта ошибочность обыкновенного взгляда происходит оттого, что обращается внимание только на одну и притом небольшую часть следствий, истекающих от сбережения и от растраты: люди не думают о тех последствиях, которые не попадают сами на глаза. Глаз следует за сберегаемым имуществом в воображаемую шкатулку и тут теряет его из виду. Он следит за растрачиваемым имуществом, как оно идет в руки торговцев и людей, окружающих расточителя; но в обоих этих случаях глаз одинаково не проникает до окончательного назначения имущества. Сбережение (на производительное потребление) и растрата очень сходны в первом периоде своего процесса. То и другое начинается потреблением, разрушением известной части богатства. Разница только в том, какие вещи потребляются и какие люди потребляют их. В первом случае изнашиваются инструменты, уничтожаются материал, также пища и одежда, которую потребляют работники; во втором случае потребляются, то есть уничтожаются, дорогие вина, экипажи и меблировка. До сих пор следствие обоих дел для национального богатства было почти одинаково: одинаковое количество богатства уничтожилось тем и другим делом. Но при мотовстве этот первый фазис служит и окончательным фазисом: известное количество продуктов труда исчезло, и ничего от них не осталось; а сберегающий человек во все время, пока продолжалось разрушение, держал на работе людей, восстанавливавших уничтожаемые продукты, и в результате оказывается, что работники с излишком воспроизвели то количество продуктов, которое было потреблено. Эта операция может быть бесконечное число раз повторяема без нового сбережения, потому раз сделанное сбережение становится фондом, могущим содержать вечное время известное число работников, которые ежегодно воспроизводят свое продовольствие с прибылью.

Для непривычного соображения истинный характер этих феноменов затмевается тем, что в них участвуют деньги. Почти все расходы производятся посредством денег, и потому деньги приобретают вид главного эле-

одной или по две страницы из некоторых других нынешних экономистов³⁹, наиболее знаменитых у нас, чтобы читатель видел, какую путаницу говорят они.

мента в этом деле; а деньги не истребляются, они только переходят из одних рук в другие, и от внимания ускользает уничтожение, происходящее при непроизводительном расходе. Деньги только перешли из рук в руки, и люди думают, что богатство также перешло из рук мота в другие руки. Но это просто значит смешивать деньги с богатством. Уничтоженное богатство было не деньги, а те дорогие вина, экипажи и меблировка, которые были куплены на деньги; эти вещи уничтожены теперь безвозвратно, и общество стало беднее на всю сумму их. Могут сказать, что дорогие вина, экипажи и меблировка не пища, не инструменты, не материалы и ни в каком случае не могли бы годиться на содержание труда; что они годятся только на непроизводительное потребление и что ущерб богатству общества наносился, когда они производились, а не тогда, когда они потреблялись. Я согласен допустить такое замечание, насколько нужно для разъяснения предмета, и замечание это было бы совершенно справедливо, если бы эти убыточные предметы роскоши брались из существующего запаса, которому не было бы уже суждено пополняться. Но ведь они будут производиться вновь, пока будут для них потребители, и будут производиться в большем количестве для удовлетворения увеличившегося запроса; потому, когда потребитель расположился тратить 5 000 фунтов из своего дохода на предметы роскоши, он из года в год держит соответственное число работников, занятых производством вещей, которые никак не могут пригодиться для производства. Труд этих работников теряется по отношению к возрастанию национального богатства; пища, инструменты и материалы, ежегодно потребляемые ими, отнимаются из общего запаса нации, пригодного на производительное употребление. По мере расточительности или роскоши известного класса, промышленность страны обращается к производству предметов роскоши для него, и не только уменьшается количество занятия для производительных работников, но продовольствие и инструменты, нужные для производительного занятия, производятся в меньшем количестве.

Словом сказать, сбережение обогащает, а расточительность приводит к бедности общества, подобно отдельному человеку; иначе говоря, это значит, что общество в целом своим составом обогащается тою суммою, какую расходует на содержание производительного труда и на содействие ему и, наоборот, беднеет на ту сумму, какую потребляет для своих удовольствий*.

* Вероятно, не бесполезно будет обратить внимание на разные обстоятельства, до известной степени уменьшающие убыток, наносимый обществу богатству расточительностью частных людей, или дающие более или менее значительное уровновешение ему в виде последствий самого убытка. Одно из этих обстоятельств то, что мот в сущности не успевает употребить все, что расточает. Его обыкновенная беспечность в расходе бывает причиною, что его обманывают и обкрадывают со всех сторон; а из этих обкрадывающих людей многие имеют экономные привычки. Большие суммы постоянно накапливаются поверенными, управителями и даже домашними служителями богатых расточительных людей. Кроме того, расточительные люди дороже бережливых платят за все свои покупки (от этого и происходит расположение купцов к ним). Таким образом они в действительности не могут получить в свои руки и уничтожить такое количество богатства, которое бы равнялось расточаемому ими состоянию: они потребляют в сущности гораздо меньше, чем расходуют, и значительная часть их состояния не потребляется, а просто переходит к другим, которые, может быть, сберегут часть перешедшего к ним. Во-вторых, надобно заметить, что расточительность одних может приводить других к вынужденной экономности. Предположим, что капризом мота, капризом, которого нельзя было предвидеть вперед, произведен внезапный запрос на какой-нибудь предмет роскоши. По непредвиденности этого запроса не заготовлено лишнего запаса против прежнего. Цена поднимается; она может подняться настолько, что превзойдет средства или желание некоторых прежних потребителей; они, может быть, откажутся от своего прежнего наслаждения и таким образом сберегут сумму,

6. Возвратимся к нашей основной теореме. Все, что производится — потребляется, потребляется и то, что называется растрчиваемым, и то, что называется сберегаемым; притом сберегаемое потребляется так же быстро, как растрчиваемое. Все выражения разговорного языка ведут к тому, чтобы мы этого не замечали. Когда говорится о старинном богатстве страны, о богатствах, наследованных от предков, эти и все подобные им выражения ведут нас к мнению, будто богатства, переданные от предков, были произведены очень давно, в то время, когда они первоначально были приобретены, и будто в нынешнем году произведена только та часть капитала страны, на какую увеличилась в нынешнем году вся сумма его. На самом деле вовсе не то. Большая часть тех составляющих богатство ценностей, которые ныне существуют в Англии, произведена человеческими руками в течение последних двенадцати месяцев. Очень мала та часть этого огромного богатства, которая существовала лет десять тому назад: из нынешнего производительного капитала страны едва ли существовало тогда что-нибудь, кроме домов на фермах и фабричных зданий, да немногих из нынешних кораблей и машин; да и из этих домов, кораблей и машин разве очень немногие просуществовали бы десять лет, если бы не употреблялся в это время новый труд на их поправку. Земля осталась от прежнего времени, и она почти единственная вещь, оставшаяся от прежнего времени. Зато она и не произведена; а все, что произведено, исчезает и почти все исчезает очень быстро. Почти все роды капитала по своей натуре неспособны долго сохраняться. Есть только несколько, и притом очень мало, произведений, способных иметь очень долгое существование. Уэстминстерское аббатство⁴⁰ с небольшими починками продолжалось несколько столетий; некоторые греческие статуи существуют больше 2 000 лет; пирамиды, быть может, вдвое или втрое больше⁴¹. Но это предметы, назначенные на непроизводительное употребление. За исключением мостов и водопроводов (к которым можно прибавить некоторые резервуары и плотины), почти нет сооружений для промышленности, которые существовали бы долго. Промышленные здания вообще скоро изнаши-

которую тратили на него. Если они не откажутся от него, а будут продолжать тратить на этот товар столько же, как прежде, тогда торговцы этим предметом получают за прежнее количество товара сумму, увеличившуюся всем тем количеством, которое заплатил мот; таким образом сумма, теряемая мотом, фактически переходит к ним, и, может быть, они присоединят ее к своему капиталу, а его излишнее личное потребление составляет из уменьшений в потреблении других покупателей, которые за прежнюю сумму получили меньше прежнего количество товаров. Кроме того, где-нибудь процесс мотовства должен отражаться в обратном характере, потому что мот должен в чем-нибудь уменьшить свои покупки для уравнивания увеличенных своих расходов на известный предмет. Быть может, он вынул из обращения суммы, употребившиеся на содержание производительного труда: в таком случае торговцы продовольствием и орудиями производства имеют оставшимися на своих руках непроданные товары, или получили за прежнюю их количество сумму меньшую прежней; а такие свои утраты в доходах или в капитале промышленные люди вообще (за исключением тех случаев, когда утраты чрезмерны) вознаграждают увеличением расчетливости и отказами себе в удовольствиях. Таким образом капитал общества в результате, может быть, остался не уменьшенным, и мот вел свою расточительность не насчет постоянных средств других людей, а насчет их мимолетных удовольствий и удобств. Но все-таки его расточительность производилась насчет других, потому что во всяком случае общество беднеет на сумму, расточаемую одним, если другие не приводятся этим к сокращению своих растрат. Есть еще другие, не столь очевидные пути, которыми расточительность одних может породить свое вознаграждение увеличением сбережения у других; но эти случаи можно будет рассмотреть нам только в том отделе четвертой книги, который будет говорить о принципе предела в накоплении капитала. —

Прим. авт.

ваются употреблением, да и нет расчета строить их с вековечной прочностью. Капитал поддерживается из поколения в поколение не тем, что сохраняется, а тем, что постоянно воспроизводится: все составные части его разрушаются употреблением, и вообще разрушаются вскоре после того, как произведены; но люди, потребляющие их, занимаются между тем производством другого капитала, имеющего больший размер. Возрастание капитала подобно возрастанию населения. Каждый, кто рожден, умирает; но каждый год число рождающихся больше числа умирающих: потому население постоянно возрастает, хотя ни одного из лиц, составляющих его, не существовало на свете до времени вовсе недалекой старины.

7. Это постоянное потребление и воспроизведение капитала служит объяснением факту, столь часто возбуждающему удивление, факту чрезвычайной быстроты, с которою страны поправляются от опустошений, — тому, что скоро исчезают все следы бедствий, нанесенных землетрясениями, наводнениями, ураганами и военным разорением. Неприятель опустошает страну огнем и мечом, разрушает или увозит почти все существующее в ней движимое богатство; все жители разорены; но через несколько лет все почти в таком же виде, как было до войны. Эта *vis medicatrix naturae*, «целительная сила природы», часто бывала предметом бесплодного изумления или приводилась в пример чудесного могущества сбережения, вознаграждающего такие громадные потери в такое короткое время. Но тут нет ровно ничего удивительного. То, что уничтожено неприятелем, в недолгое время было бы уничтожено и самими жителями; богатство, столь быстро воспроизводимое ими, они должны были бы воспроизводить и воспроизвели бы во всяком случае, и, вероятно, в столь же недолгое время. Разницы тут никакой нет, кроме той, что во время воспроизведения они не имели наслаждения потреблять сами то, что было произведено ими прежде. Возможность быстрого возвращения погубленных бедствием богатств зависит главным образом от того, сохранилось ли население страны. Если ее трудящееся население не истреблено во время бедствия и не вымерло потом от голода, то, сохранив прежние искусство и знание, оно имеет оставшиеся без повреждений свою землю с ее прочными улучшениями; вероятно, имеет прочные здания, также сохранившимися без повреждений или почти без повреждений, или с не очень важными и многочисленными повреждениями; и таким образом у него остались почти все элементы, нужные для ведения производства в прежнем размере. Если у жителей осталось столько пищи, или столько ценностей, чтобы купить пищи на то, чтобы с какими бы то ни было лишениями существовать и быть в состоянии работать, они скоро произведут такое же количество продуктов, в общей своей сложности приобретут прежнее количество богатства и капитала и достигнут этого простым продолжением труда, какой прежде употребляли на свои занятия. Это факт, порождаемый вовсе не силою сбережения в разговорном смысле слова, потому что мы видим тут не добровольную воздержность, а лишения, налагаемые внешнею необходимостью. Тут действует воспроизведение*.

* Таким образом, главное условие для продолжения и возрастания изобильности страны продуктами состоит в том, чтобы трудящаяся часть ее населения сохранила энергию в труде. Мимолетные бедствия, каковы бывают обыкновенно бедствия, наносимые природою (наводнения, землетрясения, даже более сильные потери от засухи или излишних дождей, вредящих жатве), не имеют силы повредить энергии труда. Из бедствий, наносимых людям людьми, то, которое наносится чужими людьми, война, при нынешнем состоянии цивилизованных стран также редко имеет продолжительность, нужную для изменения привычек и нравов населения, страна которого опустошается ею; потому обыкновенно страна эта, сохранив прежнюю энергию труда, скоро оправляется от военного опустошения. Но и недолгая война выносится страной без заметного ослабления энергии труда только тогда, если внутренние благоприятные труду условия уже прочно основали в населении высокую степень этой энергичности; когда же труд до войны был вял,

А между тем, так сильна привычка мыслить о предмете не прямо по его признакам, а только через посредство технических фраз, и ученые исследователи так мало свободны от тех умственных немощей, которыми страдают профаны, что простого объяснения, приведенного нами здесь, не умел, сколько я помню, дать ни один политико-эконом до д-ра Чомерса, — писателя, у которого много мыслей, по моему мнению, ошибочных, но у которого всегда есть то достоинство, что он изучает феномены в самом их источнике и выражает их самостоятельным языком, часто раскрывающим такие стороны истины, которые закрываются принятой фразеологиею.

8. Из того воззрения, которым доктор Чомерс объясняет изложенный нами вопрос, он выводит важные заключения о другом, близком к объясненному факту предмете, о государственных займах на войну и на другие непроизводительные расходы. Займы эти, заменяя собою налоги, берутся из капитала, между тем как налоги платились бы из дохода и отчасти или вполне покрывались бы увеличением экономии в расходах; итак, по принципам, нами изложенным, займы ведут страну к обеднению. Но годы, когда расходы, делаемые на занятые суммы, совершались в громаднейшем размере, часто бывали годами большого наружного благосостояния: средства страны и богатство ее, вместо того чтобы являться уменьшенным, показывали все признаки быстрого возрастания, пока длился расход, и оказывались сильно расширившимися по его окончании. Все согласны в том, что так было с Великобританией во время последней долгой континентальной войны (при Наполеоне I)⁴³, и много места понадобилось бы на исчисление всех неосновательных политико-экономических теорий, порожденных этим фактом, вошедших на некоторое время в доверие у публики, благодаря ему, и производивших непроизводительное потребление, как более выгодное, чем производительное. Не входя в изложение всех причин, не дававших тут и обыкновенно не дающих стране чувствовать последствия этих чрезвычайных затрат ее производительных сил в полном размере, какой обозначается теориею, мы предположим самый неблагоприятный из всех возможных случаев: предположим, что вся занятая и уничтоженная правительством сумма богатств была вынута заимодавцем из производительного потребления, которым была вся она фактически занята. В таком случае капитал страны уменьшен на всю величину этой суммы. Но если сумма эта не была страшно чрезмерною, то по самой сущности дела нет причин национальному капиталу не возвратиться на следующий год свою прежнюю величину. Заем не мог быть взят из той части капитала, которая состоит в инструментах, машинах и зданиях. Он весь должен быть взят из той части капитала, которая служит платою работникам, и работники пострадали от займа пропорционально взятой сумме. Но если никто из них не умер с голоду, если рабочая плата

не настойчив, не энергичен, кратковременное военное бедствие может надолго понизить его силу, и страна долго не оправится от нескольких месяцев войны. Так например, Смоленская губерния, по точному исследованию г. Я. Соловьева, до сих пор не вполне оправилась от разорения 1812 года, — более 40 лет прошло с той поры до эпохи, к которой относится исследование г. Соловьева, а страна все еще оставалась беднее, чем была в 1811 году⁴². Если же военное опустошение имеет характер долгого постоянного грабежа, оно действует очень сильно. Так Тридцатилетняя война слишком на столетие разрушила прежнее благосостояние Германии: народ одичал от постоянного грабежа, которому подвергался, отвык от нравов, дававших успешность его труду, и только во второй половине XVIII столетия следы этого гибельного влияния стали исчезать. Но характер постоянства в особенности принадлежит невыгодным обстоятельствам внутренней жизни самого населения, тем бедствиям, которые наносятся не чужими, а своими людьми. От своей внутренней обстановки сотни, иногда тысячи лет труд лишается энергии. Исследование этого предмета относится к той части политической экономии, которая говорит о влиянии общественных учреждений на производство.

могла выместить такое уменьшение, или если благотворительность отвращала от работников совершенное отсутствие продовольствия, то нет причины, почему бы труд их в следующем году произвел меньше, нежели в предыдущем*. Если они за плату, уменьшившуюся известным числом миллионов, произведут столько же, как прежде, эти миллионы будут выиграны хозяевами их**. Таким образом немедленно восстанавливается урон, нанесенный

* То есть, опять предполагая то условие, важность которого заставила нас сделать предыдущее замечание, — предполагая, что нравы и привычки трудящейся части населения не успели повредиться от лишений. Размер этого повреждения может быть велик или мал, смотря по состоянию, какого прежде успела достичь прочная привычка к энергии труда; если она сильна, повреждение может быть не столь громадным, чтобы резать глаз поверхностного наблюдателя; но оно в большей или меньшей степени непременно следует за лишением. Это факт математический, не подлежащий сомнению в теории; а на практике нужно только внимательно исследовать положение дел, чтобы открыть его существование. Война и всякий другой большой государственный непроизводительный расход портит энергию производительного труда, наново порчу привычкам трудящихся. Это было замечено и в Англии во время войн с французскою республикою и первою империею. Работники оказались менее прежнего успешны в работе, потому что развилось в них апатическое буйство, перемежающееся с ленью. Не говорим уже о том, что во время ослабления производительного труда земля остается несколько запущенною, то есть несколько портится, выделка инструментов и машин для промышленных производств ослабевает, а прежние инструменты и машины сильнее обыкновенного портятся, оставаясь без поправки, да и материалы для промышленности изготавливаются меньше, чем обыкновенно. Таким образом на следующий год общество имеет рабочие силы хуже прежних, орудия производства (землю, инструменты, машины, промышленные постройки), в количестве меньшем и в качестве худшем прежнего, материалы тоже; потому производство на следующий год никак не может иметь того размера, какой имело бы без непроизводительного чрезвычайного расхода. Теорема о неизбежности этого результата имеет математическую достоверность.

** Но именно столько же они не произведут, потому что за меньшую плату труд получается худшего качества, и потому не все миллионы будут выиграны хозяевами, — часть этой суммы потеряется от ухудшения в качестве труда. Чтобы сделать явнее это соображение, мы приведем гипотетический баланс общества.

Положим, что Англия занимает на войну 50 миллионов фунтов. Эти 50 миллионов берутся из платы работникам. Положим, что она имела прежде величину 200 миллионов; она уменьшилась от займа на четвертую часть; качество труда ухудшилось от этого хотя на одну двадцатую часть. Если при помощи данных орудий и данного количества материалов труд производил прежде продуктов на 500 миллионов, теперь он произведет их одну двадцатую частью меньше, то есть только на 475 миллионов. Итак, что произвел заем только одною этою стороною своего действия? Он взял у работников через руки хозяев 50 миллионов; но, взяв у работников для передачи правительству 50 миллионов, хозяева сами потеряли от ухудшения в качестве труда 25 миллионов. Итого 75 миллионов чистой потери. Но это только одна часть потери. Всей громадности потери нельзя и сообразить, но попробуем сообразить хотя еще некоторые части его.

50 миллионов, взятые на войну, израсходованы на потребление непроизводительное, пропадающее без всякого следа (Миль, книга 1, глава 3, § 6, стр. 56). Производство было в 500 миллионов; положим что из него прежде шло на непроизводительное потребление 100 м., оставалось на производительное 400 м.; теперь пошло на непроизводительное потребление 150 м., осталось на производительное 350 м.; если прежде из 400 миллионов возникло 500, теперь из 350 м. возникло бы только уже $437\frac{1}{2}$ милл., если бы успешность труда осталась прежняя; но она уменьшилась на одну двад-

капиталу; впрочем, восстанавливается он лишениями и часто сильно нищетою рабочего класса. Вот действительная причина, почему такие периоды, даже при самых невыгодных обстоятельствах, очень могут быть временами

цатую часть, то есть на 21,87 милл., итак, производится на следующий год только 415,63 миллионнов. Недочет составляет на первый следующий за займом год 84,37 миллиона.

Этот недочет первого года отзовется некоторым недочетом и на следующем (втором), а от него на третьем году и т. д., потому что не вся сумма 84,37 милл. отнеслась на непроизводительное потребление, а часть ее легла и на производительное потребление. Но мы не станем уже высчитывать этих следующих недочетов. Ограничимся одним первым годом.

Весь ли его недочет мы сочли? Нет, он имеет множество форм, мы взяли еще только одну, — легко было бы набрать их десятка два очень крупных; мы возьмем хотя только еще две — влияние недочета на землю, инструменты, машины и влияние на рабочие силы.

Производительное потребление уменьшилось в год военного расхода на одну восьмую часть (350 м. вместо прежних 400 м.). Это значит, что между прочим и на уход за землю приложено труда на $\frac{1}{8}$ часть меньше прежнего. От этого она дала продуктов на $\frac{1}{8}$ часть, на $12\frac{1}{2}\%$, меньше. Положим, что ее продукты составляли 50% всех продуктов, — мы считали всего 415, 63 м., стало быть, в них сельскохозяйственных продуктов считаем 207, 81 милл., теперь оказывается, что их надобно считать уменьшенными на одну восьмую часть, то есть вычесть 25,98; потому сельскохозяйственных продуктов надобно считать не 207,81 м., а только 181,83 м. Других продуктов считаем то количество, как прежде (207,81 м.); обе суммы составляют уже только 389,64 м.

Но составляют ли они и это количество? Ведь мы полагали, что труд производится тем же количеством таких же инструментов и машин, как прежде, а этот фактор уменьшился тоже на $\frac{1}{8}$ часть, и от этого труд снова стал на $\frac{1}{8}$ часть менее успешен; итак, надобно из 389,64 м. вычесть одну восьмую часть, то есть 48,70 м. Остается всего только 340,94 м.

Но остается ли хотя это? Ведь мы только полагали, что труд стал хуже качеством, стал производиться меньшим количеством и притом худших инструментов и над землею худшего качества, но все еще полагали, что количество труда осталось прежнее; осталось ли оно? Нет; было в Англии, положим, 5 000 000 взрослых работников, из них 200 000 завербованы в солдаты и военные матросы, а с войны годными к работе воротились разве 100 000 — другие 100 000 убиты, умерли от ран и тифа, или остались изувеченными. Итак, из 5 000 000 работников исключено войною безвозвратно 100 000 работников; количество труда уменьшилось на одну пятидесятую часть, на 2%, опять надобно вычесть 2% из количества продуктов, которое мы полагали прежде, — из 340,94 м. надобно вычесть 6,82 м., остается всего только 334,12 миллиона, стало быть весь недочет — 165,88 миллионнов.

Да полно, весь ли это недочет? Куда, как можно! Ведь мы не считали, сколько работников, оставшихся дома, умерло от лишений, сколько других сколько времени пролежали в болезнях от лишений, сколько времени потрачено ими на уход за родными, болевшими или умиравшими все от тех же лишений, сколько продуктов пошло на лечение, на похороны; сколько с горя пропито; сколько времени люди, одурелые от горя, шатались неспособными к труду, сколько от этого пропало и попортилось орудий производства, сколько преступлений наделано от одурения, отчаяния и нищеты, сколько потрачено на обуздание развившейся в массе готовности к преступлениям, на преследование преступлений, на содержание обвиненных в тюрьмах, на наказание преступников. Этот дефицит составил бы тоже кругловатую цифру в несколько десятков миллионнов.

А главное, мы считали убыль производства только от убыли в рабочих силах и в орудиях, а не считали убыли от уменьшения в материалах, между тем как в них-то и произошло главное уменьшение. Что, например, если оказалось,

выигрышей для тех, благосостояние которых обыкновенно считается во мнении общества за национальное благосостояние*.

Это ведет к спорному вопросу, на который и было обращено особенное

что на посев осталось только половина того количества зерна, какое употреблялось прежде? Тогда ведь и всю жатву придется считать в половину меньше.

Но этого всего мы не считаем. И так уже довольно набралось недочетов.

Подведем же итоги хотя к тому, что сосчитали.

От займа на войну в 50 милл. нация в тот год, когда расходовался этот заем, потеряла 75 милл. В следующий год убыль по производству, далеко не вполне сосчитанная, простиралась на 165,88, проще говоря, на 166 милл., — итого, эти 50 миллионов стоили нации убытка по крайней мере в 241 милл. за год военного расхода и один следующий год.

А мы сказали еще, что недочет первого года после войны отзовется недочетом и на втором, и на третьем годе, да и дальше. А проценты по займу? ведь и их надобно будет откуда-нибудь брать каждый год? Да, едва ли англичане отделались убытком, хотя бы в 250, хотя бы в 300, или даже в 400 миллионов фунтов за этот израсходованный на войну с Францией заем в 50 миллионов.

Лучше было бы им, чем делать этот заем, взять да сожечь весь свой Лондон. Меньше было бы им убытка от этого, нежели от одного года успешной войны. Лондонским монументом великого пожара 1666 года ознаменована память бедствия, несравненно меньшего для англичан, нежели монументом их трафальгарской победы⁴⁴.

Каким же образом эти громадные потери до того нечувствительны, что нужно еще доказывать их? Какими путями производится то странное явление, что разница между годом войны и годом мира в экономическом отношении не так ярка для невнимательного зрителя, как должна быть по сущности дела? Объяснением этого служит нынешний порядок распределения ценностей, и ответ надобно отложить до второй книги.

Теперь мы можем предвидеть одно: должно быть что-то фальшивое, дикое в том экономическом быте, при котором для массы нации все равно, теряет ли нация 20%, 30% или даже 50% своего дохода, а для многих эта потеря даже выгодна, — при котором нация восхищается своими победами и рада вести войну, лишь бы шла она удачно. Это напоминает о состоянии ощущений человека, одержимого тифозным жаром, который сам не может определить, холодно или тепло в комнате, и который готов выпить хотя целое ведро ледяной воды, от которой усиливается его болезнь.

* Но с другой стороны не должно забывать, что война отвлекает от производительного занятия не только капитал, но и работников; что суммы, взятые из вознаграждения производительных работников, отчасти употребляются на плату им же или другим за непроизводительный труд и что эту часть своих следствий военные издержки действуют в направлении, прямо противоположном тому, которое указывает доктор Чомерс; насколько простирается влияние этой стороны войны, оно вознаграждает результаты, изложенные в тексте. Часть дела, состоящая в том, что работники берутся от производства в армию и флот, не вредит рабочим классам, не дает выгоды капиталистам, а общая масса продуктов страны уменьшается военными издержками. Таким образом мнение доктора Чомерса, справедливое относительно Англии, совершенно не применяется к странам, находящимся в других обстоятельствах; например, к Франции во время наполеоновских войн. В этот период много лет сряду продолжался в огромном размере вывод рабочего населения из Франции; а суммы, на которые велась война доставлялись преимущественно контрибуцией с земель, завоеванных французским оружием, и только очень малая часть их состояла из французского капитала. Повтому во Франции рабочая плата не падала, а возвышалась; хозяева, нанимавшие рабочих, имели не выигрыш, а убыток; богатство страны между тем уменьшалось остановкою или совершенною потерю огромного количества производительного труда. В Англии все эти результаты имели проти-

внимание д-ра Чомерса: каким путем правительству лучше получать суммы, требуемые экстренным непроизводительным расходом: путем ли займов, по которым только проценты доставляются налогами, или путем налогов на время расхода в размере всего количества расхода? — На финансовом языке последний способ называется «взиманием в один год всей суммы расхода». Доктор Чомерс сильно защищает этот последний способ. Вообще думают, говорит он, что взять налогами в один год всю требуемую сумму дело или невозможное, или очень неудобное; что нация не может, без большого обременения, вдруг уплатить всю эту сумму из своего годового дохода, и что гораздо лучше требовать у нее ежегодного небольшого платежа в виде процентов, чем за один раз потребовать такого огромного пожертвования. Он отвечает на это, что пожертвование в обоих случаях одинаково делается. Что растрачивается в год, говорит он, то неизбежно берется из дохода за один год. Все богатство, производимое в стране, образует ее годовой доход; каждая часть этого богатства составляет часть чьего-нибудь годового дохода. Та сумма лишений, говорит он, которая произошла бы от взятия всей суммы расхода способом налогов, же отстранится, если возьмется способом

вположный характер. Англия, сравнительно говоря, прибавила на время войны мало своих собственных солдат и матросов, но отвратила сотни миллионов фунтов капитала от производительного занятия на доставление военных запасов своим континентальным союзникам и на содержание их армий. Поэтому, как мы говорили в тексте, работники ее страдали, капиталисты ее благоденствовали, а постоянные производительные силы ее не уменьшались. — *Прим. автора.*

Факты изложены тут справедливо, но в изложении перемешаны две разные точки зрения: выгодность распределения для разных сословий и производство. Мы уже несколько раз замечали, что даже у Милля, самого серьезного и проиндательного мыслителя из всех нынешних политико-экономов, результаты, проистекающие из сущности вещей, слишком часто смешиваются с явлениями второстепенными, временными, происходящими от внешних обстоятельств, и затемняются таким смешением. Здесь эта запутанность доходит, как и во многих других местах трактата Милля, до такой степени, что может оставлять в читателе ложное впечатление об излагаемом предмете. Мы много раз видели, что, когда из массы населения уводятся отборные работники, положение всей нации, и в том числе рабочих классов, должно становиться хуже, потому что на продовольствии у каждого работника остается большее число людей, чем прежде. (Смотри, например, стр. 59 и 60). Между тем Милль странным образом не делает оговорок, что излагает частный случай, производимый фальшивым положением вещей в противность сущности дела, когда замечает, что, взятие работников на войну не вредит рабочим классам. Нет, само по себе оно очень вредит им, только вред может уравновешиваться какою-нибудь другою переменою в фальшивом положении дел, и притом также фальшивою переменою, происходящею от этого факта. Работников стало меньше по сравнению с числом содержащихся ими людей; потому нация стала беднее; стали беднее и работники и их семейства. Но если число работников сделалось слишком недостаточно, то есть нация терпит слишком большую нужду в продуктах, то запрос на работников может очень усилиться, и величина рабочей платы может очень подняться, по крайней мере в денежном своем счете. Французский работник, получавший до войны 1 франк, может получить во время войны 3 франка. Это считается на золото или серебро, и он очень доволен, думая, что получает вдвое больше прежнего, пользуется втрое большим благосостоянием. Но продукты тоже вздорожали, и за 3 франка он получает теперь гораздо меньше продуктов, нежели получалось за 3 франка до войны. Сосчитать это не так просто, как сосчитать на своей руке вместо одной монеты три монеты. Впрочем, может случиться, что продукты вздорожали не в такой пропорции, как труд, и что за 3 франка получается их теперь больше, чем прежде за 1 франк, хотя

займа. Потеря не отвращается, а только слагается на рабочие классы, которые менее всех других могут и должны выносить ее; а с тем вместе новым чистым убытком остаются все материальные, нравственные и политические неудобства, производимые установлением и сохранением налогов на вечную плату процентов. Из продуктов или из сумм, назначенных на производство продуктов, взят капитал на то, чтобы поступить в казну и израсходоваться непроизводительным образом, — в том и другом случае вся эта сумма одинаково берется у рабочих классов; потому заем в действительности уплачивается в один год; все пожертвование, нужное для уплаты его, одинаково производится на самом деле в этот год; только уплачено оно не в те руки, куда должно идти *, потому не погашает собою требования казны, и уплачивается посредством наихудшего из налогов, налога, исключительно падающего на рабочий класс. Совершив этим самым трудным и несправедливым из всех путей весь подвиг, нужный на погашение долга, страна все-таки остается обременена этим долгом и вечною уплатою процентов.

Это воззрение кажется мне совершенно верным относительно той части поглощаемых займом ценностей, которая без займа была бы употреблена на

никак не может быть, чтобы получалось их столько, сколько получалось их прежде за 3 франка. Может случиться и наоборот: продукты могут вздорожать еще сильнее труда, и тогда за 3 франка получается продуктов меньше, нежели прежде за 1 франк. В таком случае даже работник, оставшийся при производительном труде, проиграл. Но когда цена труда поднялась сильнее цены продуктов, он действительно выиграл, если он человек одинокий, или имеющий всего только двух или трех человек на своем содержании. Тогда посторонние люди могут находить и самые рабочие воображать, что положение рабочих классов вообще улучшилось. Но это только оптический обман, производимый сосредоточением внимания на одной части простолудинов. Вообще и между простолудинами пропорция работников к общему числу сословия уменьшилась, то есть работнику вообще стало тяжелее; если некоторые избежали участия в общем бедствии, тем большая часть его пришла на долю остальной массы, состоящей из семейств, лишившихся взрослых мужчин или сохранивших слишком малое число их. Тому же оптическому обману помогает еще другое обстоятельство, упоминаемое самим Миллем. При повышении рабочей платы выгоды капиталистов уменьшаются. Работники, сознавая противоположность своих интересов с интересами капиталистов, слишком часто радуются всякому их затруднению, как будто своему освобождению, беду противника принимают за свое счастье. Во многих случаях это чувство ошибочно. Впрочем, уменьшение части продуктов, достоящейся капиталистам, может иногда быть так значительно, что, несмотря на уменьшение общей массы продуктов, работникам все-таки может оставаться более значительная часть, чем прежде. Но эта фальшивая поправка фальшивого положения, эта фальшивость в квадрате так натянута, что непременно в скором времени лопается, и рабочие видят себя в положении, худшем всего того, что когда-нибудь испытывали. Читатель видит, что эти разъяснения относятся уже чисто к теории распределения, а не к теории производства: но они вынуждены у нас спутанностью точек зрения в разъяснении явлений у переводимого нами автора. Повторяем еще раз, что у каждого другого из нынешних экономистов таких запутанностей несравненно больше, нежели у Милля. — *Примеч. переводч.*

* То есть сущность дела состоит в переходе известной суммы от известных классов в казну; если сумма берется посредством займа, она в сущности берется с рабочего класса, но составляется тем, что фабриканты, хозяева землевладельческих заведений и т. д. не выплачивают своим рабочим того, что платили прежде; итак, эта сумма идет от рабочих не в казну, куда ей следует идти, а в руки капиталистов. У капиталистов казна берет ее уже под формую займа, стало быть, проценты идут просто посредникам, которым собственно и не принадлежала взятая в займы сумма.

производительную промышленность в самой стране. Но практическое положение дела редко вполне соответствует такому предположению. Займы в менее богатых странах делаются преимущественно из иностранного капитала, который, быть может, не пошел бы на употребление в эту страну ни под какою иною гарантиею, кроме обязательства со стороны ее правительства; а займы богатых и благосостоятельных стран делаются обыкновенно не из тех сумм, которые вынимались бы из производительного употребления: они обыкновенно делаются из новых накоплений, непрерывно составляющихся из дохода, и часто делаются из той части этих накоплений, которая если бы не пошла на заем, то перешла бы в колонии или стала бы искать другого употребления себе за границей. В этих случаях (которые мы подробнее рассмотрим впоследствии, в книге IV, в главах 4 и 5)⁴⁵ нужная сумма может быть получена займом без ущерба работникам, без расстройств национальной промышленности и, быть может, даже с большею выгодною для работников и промышленности, чем при взимании ее налогами, потому что налоги, особенно когда бывают тяжелы, почти всегда уплачиваются отчасти насчет того, что без них было бы сбережено и прибавлено к капиталу. Этого мало, если страна делает ежегодно такие большие прибавления к своему богатству, что часть этих прибавлений можно брать и тратить непроизводительно, не уменьшая капитала и даже не мешая ему значительно увеличиваться, то, очевидно, что хотя бы даже вся сумма займа бралась из той части новых накоплений, которая обратилась бы в капитал и нашла бы себе занятие в самой стране, заем действует на рабочие классы далеко не с тою силою вреда, как предполагалось в первоначально изложенном нами случае, и возражение против предпочтения займов налогам очень значительно ослабевает. Это предварительное краткое изложение дела, подробное рассмотрение которого относится к одной из следующих частей нашего трактата, казалось нам необходимо для предотвращения ошибочных выводов из мыслей, нами уже изложенных*.

9. Переходим теперь к четвертой основной теореме относительно капитала; о ней забывают или фальшиво понимают ее едва ли не чаще, нежели даже три первые теоремы, как ни часто они забываются или искажаются. Производительный труд содержится и прилагается к делу капиталом, расходуемым

* Хорошо, что Милль отсылает читателя к IV книге за подробным рассмотрением дела: это дает и нам возможность отложить подробный разбор его до другого места, а иначе пришлось бы здесь, где и без того уже много примечаний, делать еще очень длинное примечание: потому что ограничения применимости принципа Чомерса, приводимые Миллем, основаны на взгляде или одностороннем, или вовсе не подходящем до сущности дела. Теперь довольно будет нам высказать самым кратким образом основания, почему нельзя принять возражений, будто бы ослабляющих силу соображений Чомерса. Бедные страны, говорит Милль, берут заем из иностранного капитала, который не пошел бы в них иначе, как на гарантию их правительства, то есть в форме государственного займа. Говорить это значит останавливаться на половине исследования. Факт бедности не есть основной факт: он следствие других фактов, из которых главный — чрезмерность непроизводительного расхода и главным образом непроизводительного государственного расхода. Заем на непроизводительное потребление только увеличивает этот расход, то есть только увеличивает бедность страны, хотя бы брался и из иностранного капитала. Хотя бы он пришел из-за границы, он все-таки гибелен для домашнего капитала. Заем в богатых странах, продолжает Милль делаться не из капитала, а из новых сбережений, которые пошли бы искать занятия за границей. Но если бы за границей они нашли себе производительное занятие в какой-нибудь заграничной стране, они увеличили бы богатство этой страны, увеличили бы силу ее обмениваться своими продуктами с нациею, из которой вышел капитал, и обогатили бы эту нацию развитием ее заграничной торговли. Если вместо выгодного заграничного употребления нация дала своим накоплениям убыточное внутреннее употребление, она

на содержание его за работою, а не запросом покупателей на изготовленный продукт труда. Запрос на товары не есть запрос на труд. Запросом на товары определяется то, на какую частную отрасль производства должны обращаться труд и капитал, определяется *направление* труда; но не определяется самое количество труда, не определяется размер продовольствия или платы за труд. Количество труда и размер платы за него зависят от количества капитала или других сумм, прямо назначенных на продовольствование и вознаграждение труда.

Предположим, например, что существует запрос на бархат, существует сумма, готовая к израсходованию на покупку бархата, но не существует капитала для основания бархатной фабрики. Как бы велик ни был этот запрос, но все равно, пока не обратится капитал на эту фабрикацию, не будет выделано ни одного дюйма бархата, стало быть, не будет и куплено ни одного дюйма его. Иначе будет разве в том случае, когда человек, желающий быть покупщиком бархата, желает этого так сильно, что часть цены, которую заплатил бы за него, употребит на затрату для работников, чтобы они могли заняться деланием бархата, то есть когда он обратит часть своего дохода в капитал и затратит этот капитал на выделку бархата. Перевернем теперь гипотезу и предположим, что находится много капитала, готового выделять бархат, но нет запроса на бархат. Бархат тоже не будет выделяться. Но со стороны капитала нет особенного предпочтения к выделке бархата перед выделкою чего-нибудь другого. Фабриканты и их работники производят не для удовольствия своих покупателей, а для удовлетворения собственных надобностей; имея теперь капитал и труд, остающийся без занятия, то есть имея существенные элементы производства, они могут производить какой-нибудь иной товар, на который есть запрос; а если нет постороннего запроса ни на какой другой товар, они сами имеют запрос на известные товары и могут производить вещи, нужные им на собственное потребление. Таким образом занятие, даваемое труду, зависит не от покупателей, а от капитала. Разумеется, я теперь не беру в соображение следствий внезапной перемены. Если запрос неожиданно прекращается, а товар на его удовлетворение уже произведен, этим вводится новый элемент в положение дела: капитал фактически потреблен на производство товара, которого никому не нужно; таким образом капитал по-

все-таки проиграла. Итак, все равно, дома или за границей делается заем для непроизводительного потребления, все равно, дома ли остались бы, или пошли бы за границу суммы, взятые этим займом, и все равно, на какое бы назначение ни пошли они без этого займа, он ослабляет капитал страны на всю свою величину, составляет для страны столь же быстрое и столь же большое пожертвование, какое составилось бы взятием этой суммы посредством налога, и все равно ко всем этим случаям все соображения Чомерса прилагаются с такою же силою, как прилагаются к основному случаю, ко взятию займа из капитала, обращенного на производство в самой стране. Но есть еще другое соображение, которое не выставлено у Милля и которое безусловным образом делает путь займа несравненно разорительнейшим для нации, чем путь прямого требования нужной суммы посредством налога. Эта причина заключается в том, что налог прямо и очевидно показывает стране величину пожертвования, делаемого ею на непроизводительный расход, а заем прячет истину, обольщает страну видимою легкостью пожертвования хотя в сущности делает его еще тяжелее, и таким образом заводит обольщающуюся страну по пути разорительных растрат гораздо дальше, нежели решилась бы она идти с налогом. Крымская война стоила французскому правительству, 1721 миллион франков. Эта сумма была растрочена менее, чем в два года. Это сумма всех богатств, находящихся в целых двух департаментах средней величины. Если бы перед войною французское правительство и французская нация ясно понимали, что каждый год войны равносильна для них потере целого департамента, вероятно, они не так легко решились бы на войну. Но под формою займа они, сами для себя незаметно, истребили эти 1721 миллион, уничтожили два департамента ⁴⁶.

гиб, и занятие, которое он давал труду, кончилось, — не потому, что прекратился запрос, а потому, что исчез капитал. Таким образом этот случай не служит проверкою принципа, что запросом определяется направление капитала. Настоящая проверка этого принципа дается гипотезою, что перемена происходит постепенно и предусматривается, что она не сопровождается потерей капитала, так что фабрикация прекращается просто тем, что машины не возобновляются, когда испортятся от употребления, и деньги не затрачиваются вновь на фабрикацию, по мере того как выручаются продажей продукта. В этом случае капитал готов на новое занятие и будет содержать в нем столько же труда, как прежде. Фабрикант и его рабочие теряют выгоду искусства и знания, приобретенного ими в прежнем деле и могущего только отчасти пригодиться им в новом деле. В этом состоит потеря, наносимая обществу переменою. Но работники все-таки могут работать, и капитал, дававший им занятие, будет, оставаясь в тех же руках или перешедши займом в другие руки, давать, в каком-нибудь другом деле, занятие или тем же самым работникам, или такому же числу других работников.

Покупать продукт не значит давать занятие труду; запрос на труд состоит в рабочей плате, предшествующей производству, а не в каком бы то ни было запросе на товары, служащие результатом производства, — эта теорема чрезвычайно нуждается в наивозможно точнейшем разъяснении. Неприготовленному взгляду она кажется парадоксом; даже из знаменитых политико-экономов я не могу указать никого, кроме Рикардо и Сэ, кто постоянно и твердо помнил бы ее. Почти все другие по временам выражаются так, как будто бы человек, покупающий товары, продукты труда, дает занятие труду и в самом деле создает запрос на труд, точно так же как если бы он прямо покупал самый труд выдачею ему рабочей платы. Не удивительно, что политическая экономия развивается медленно, если такой вопрос, встречающийся на самом пороге ее, остается еще сомнительным. Я полагаю, что если запросом на труд называть тот запрос, которым возвышается рабочая плата или увеличивается число занятых работников, то запрос на товары не составляет запроса на труд. Я думаю, что человек, покупающий товары и потребляющий их сам, не приносит никакой пользы рабочему классу, а приносит пользу рабочему классу или увеличивает сумму занятий для него человек только тем, что сберегает от своего личного потребления и расходует на прямую плату работникам за их труд.

Для лучшего разъяснения этого принципа предположим следующий случай. Потребитель может расходовать свой доход на покупку личных услуг себе или товаров; употребить часть его на наем каменщиков для постройки дома, землекопов для устройства искусственных прудов, работников для устройства садов и парков; но вместо того он может расходовать такую же сумму на покупку бархата и кружев. Спрашивается, различны ли эти два способа его расходования по отношению к интересам рабочих классов? Ясно, что в первом из этих случаев он дает занятие работникам, которые останутся без занятия, или по крайней мере без этого занятия во втором случае. Писатели, против которых я спорю, утверждают, что это все равно, потому что, покупая бархат и кружево, он также дает занятие работникам, именно тем работникам, которые делают бархат и кружево. Я, напротив, говорю, что в этом втором случае он не дает занятия им, а определяет, каким делом будет занимать их кто-нибудь другой. Потребитель не платит из своих сумм поденную плату ткачам и кружевницам. Он покупает готовый товар, уже произведенный трудом и капиталом, и труд этот оплачивался не им, капитал доставлялся не им, а фабрикантом. Предположим, что прежде он употреблял эту часть своего дохода на наем каменщиков, которые расходовали получаемую плату на пищу и на платье, — предметы, также производимые трудом и капиталом, но что теперь он вместо прежнего употребления обращает свой доход на покупку бархата и кружева: он создает этим увеличенный запрос на них. Этот запрос не может быть удовлетворен без прибавки в их производном количестве, а она не может быть произведена без прибавки капитала; откуда же возьмется эта прибавка капитала? В изменении мыслей по-

требителя нет ничего такого, отчего капитал страны увеличился бы. Потому должно сказать, что увеличенному запросу на бархат нельзя было бы теперь удовлетворить, если бы то самое обстоятельство, которое породило увеличение в запросе, не освободило точно того количества капитала, какое нужно на удовлетворение увеличения в запросе. Та самая сумма, которую употребляет теперь потребитель на покупку бархата, шла прежде в руки каменщиков, расходовавших ее на пищу и другие предметы необходимости, а теперь остающихся без этих предметов или отрывающих их своим соперничеством от тех долей, которые шли на других работников. Таким образом труд и капитал, производившие прежде предметы необходимости для этих каменщиков, лишены теперь своего рынка, должны искать себе другого занятия и находят его в выделке бархата для нового запроса. Я говорю не то, чтобы тот самый труд и капитал, который производил предметы необходимости, обратился на выделку бархата; но тем или другим из сотни разных путей они занимают место труда и капитала, делающего бархат. Существующий капитал мог делать одно из двух: или ткать бархат, или производить предметы необходимости для каменщиков; делать того и другого вместе он не может. От выбора потребителя зависело, которым из двух дел займется труд и капитал; если он выбирает бархат, предметы необходимости не производятся. Для лучшего разъяснения перевернем гипотезу. Потребитель имел прежде привычку покупать бархат, но решился отказаться от этого расхода и ежегодно употреблять прежнюю сумму на наем каменщиков. Если справедливо обыкновенное мнение, против которого я спорю, эта перемена в характере его расхода не дает нового занятия труду, а только переносит занятие от ткачей бархата к каменщикам. Но, всмотревшись ближе, мы увидим, что произошла прибавка к сумме, идущей на вознаграждение труда. Фабрикант бархата (предположим, что он заметил уменьшение запроса на свой товар) уменьшает производство и освобождает соответственную такому уменьшению часть капитала, употреблявшегося на выделку бархата. Этот капитал, вынутый из продовольствования ткачей бархата, не та сумма, которую покупатель стал употреблять на продовольствование каменщиков; это вторая такая же сумма. Таким образом мы видим теперь две суммы, обращающиеся на продовольствование и вознаграждение труда, вместо того, что прежде была только одна такая сумма. Тут не просто перенос занятия от бархатных ткачей к каменщикам; тут, во-первых, создается новое занятие для каменщиков, а, во-вторых, переносится занятие от ткачей бархата к каким-нибудь другим работникам, по всей вероятности, к тем, которые производят пищу и другие предметы, потребляемые каменщиками.

Конечно, можно возразить, что хотя деньги, расходуемые на покупку бархата, не составляют прибавки к капиталу, но они заменяют капитал; что хотя они не создают нового запроса на труд, но служат необходимым средством для поддержания существующего запроса на труд. Скажут, что имущество фабриканта не может быть прямо обращено на содержание труда, пока остается заключено в бархате; что оно начинает составлять запрос на труд только тогда, когда бархат продан и капитал, ушедший на выделку бархата, заменен суммою, израсходованною покупщиком; из этого могут вывести, что производитель бархата и покупатель бархата, взятые вместе, имеют не два капитала, а только один капитал, который актом покупки переносится от покупщика к фабриканту, и что если покупатель вместо покупки бархата покупает труд, он просто переносит этот капитал на другое дело, уничтожая этим ровно столько же запроса на труд в одном деле, сколько запроса на труд создает в другом деле.

Тех посылок, из которых выводится это заключение, я не отрицаю. Освободить капитал, который иначе остался бы заключен в форме, непригодной на содержание труда, конечно, то же самое по отношению к интересам работников, как и создать новый капитал. Если я расходу 1 000 фунтов на покупку бархата, я даю фабриканту средство употребить 1 000 фунтов на содержание труда, который не мог получить занятия, пока бархат оставался не продан, — это совершенная правда; и если бы бархат навсегда

остался не продан, когда бы я не купил его, то, изменяя свое намерение и вместо покупки бархата нанимая каменщиков, я, разумеется, не создаю нового запроса на труд, потому что, употребляя 1000 фунтов на наем труда, я в то же время навсегда уничтожаю 1000 фунтов, составлявших капитал бархатного фабриканта. Но говорить об этом факте не значит смешивать последствия, проистекающие чисто из внезапности перемены, с последствиями самой перемены. Если бы при прекращении покупки со стороны потребителя капитал, употребленный на выделку бархата для этого потребителя, непременно должен был погибнуть, то расходование той же суммы со стороны потребителя на наем каменщиков было бы не созданием нового занятия, а только перемещением занятия. Но я говорю то, что новое занятие, даваемое труду, будет дано только тогда, если капитал бархатного фабриканта может освободиться, и что оно будет дано только тогда, когда он *освободится*. Каждому известно, что капитал, затраченный на известное занятие, может быть вынут из него, если предоставляется на то достаточный срок. Если бархатный фабрикант получит предупреждение тем, что получает заказов меньше прежнего, он произведет бархата на 1000 фунтов меньше прежнего, и 1000 фунтов из его капитала уже освобождаются этим. Если он не имел такого предупреждения в уменьшении заказов и если потому товар остается на его руках, это увеличение непроданного товара заставит его на следующий год приостановить или уменьшить свое производство, пока распродается излишний товар. По окончании этого оборота фабрикант найдет себя имеющим такое же богатство, как прежде, и средства его давать занятие труду не уменьшатся, хотя часть его капитала употребится теперь на содержание труда не при таком занятии, как прежде. Пока происходит это приспособление в употреблении капитала, запрос на труд просто изменяется, а не увеличивается; но когда оно уже произошло, запрос на труд увеличился. Прежде был только один капитал, употребляемый на содержание ткачей при выделке бархата на 1000 фунтов, а теперь тот же самый капитал употреблен на какое-нибудь другое занятие и кроме того еще 1000 фунтов распределяется между каменщиками. Теперь два капитала употребляются на вознаграждение двух масс работников; а прежде один из этих капиталов, капитал покупателя, служил только колесом в механизме, которым другой капитал (капитал фабриканта) давал из года в год занятие труду*.

Теорема, доказываемая мною, в сущности равнозначительна выражению, которое уму одних представится тавтологией, а уму других парадоксом: человек приносит пользу работникам не тем, что потребляет на самого себя, а только тем, чего не потребляет сам. Если я, вместо расходования 100 фунтов на дорогие вина или шелковые материи, употребляю эти 100 фунтов на плату работникам или на подаяния, запрос на товары в обоих случаях совершенно равен; в первом случае требуется на 100 фунтов вин и материй, во втором случае тоже на 100 фунтов требуется хлеба, пива, рабочего платья, топлива и тому подобных товаров; но во втором случае работники страны имеют на 100 фунтов больше продуктов, распределяющихся между ними. Я потребил на 100 фунтов меньше и передал работникам мою силу потребления; сказать иначе значило бы сказать, что когда я потребил меньше прежнего, то не осталось больше прежнего на потребление другим, а это явное противоречие. Когда производится прежнее количество продуктов, то продукты, от потребления которых отказывается один, необходимо прибавляются к доле тех, кому он передает свои средства к покупке. В предполагаемом случае нет необходимости, чтобы в результате мое потребление стало меньше прежнего; потому что работники, которым я даю плату, строят,

---

* Правильнее было бы сказать: теперь два капитала, а прежде расходваемая покупателем сумма, обратившаяся теперь в капитал, не служила капиталом, будучи обращена на непродуцируемое потребление. Все дело именно в том и состоит, что масса ценностей, не служившая прежде капиталом, обращается теперь в капитал.

может быть, дом для меня, или делают что-нибудь другое для моего будущего потребления. Но дело в том, что я отсрочил свое потребление и передал работникам часть моей доли из нынешних продуктов общества. Если через несколько времени я получу для своего потребления продукт во 100 фунтов, он получится не из нынешних продуктов, а из будущей прибавки к ним. Итак, из нынешних продуктов я больше оставил на потребление других, и эту оставшуюся от моего потребления часть отдал в руки работников*.

* Следующий случай, представляющий дело в несколько иной форме, может еще больше разъяснить его.

Предположим, что богатый человек, А, ежедневно расходует известную сумму на плату работникам или на подаяния, которые тотчас по получении расходуются и потребляются получившими в виде хлеба. А умирает, оставляя свое имущество В, который прекращает эту статью расхода, а вместо того расходует каждый день ту же сумму на тонкие блюда собственного стола. Я выбрал такое предположение для того, чтобы оба случая были совершенно сходны во всех чертах, кроме черты, служащей предметом сравнения. Чтобы не затемнять существенных фактов дела представлением их сквозь затуманивающую призму денежных сделок, предположим также, что А и его наследник В владельцы поместья, в котором производятся и хлеб, потребляемый людьми, которым раздавал свои ценности А, и предметы роскоши, доставляемые на стол В; и предположим, что рента этим владельцам платится натурою, сообразно тому предупреждению, какое они дают о качестве продуктов, им нужных. Теперь спрашивается: дает ли расход В столько же занятия или столько же пищи его небогатым соседям, сколько давал расход А?

Из условий гипотезы, нами изложенной, следует, что при жизни А та часть дохода, которую он издерживал на рабочую плату или на подаяние, бралась им с фермы в виде престоиародной пищи и употреблялась в пищу престоиародью; напротив, его наследник В потребует вместо такой пищи дорогие съестные припасы на такую же ценность, и они будут потребляться за его собственным столом; потому фермер во время владения В будет ежедневно производить простой пищи меньше прежнего, а дорогих съестных припасов больше прежнего на эту сумму, и при владении В на эту сумму уменьшится количество пищи, распределяемой между рабочими и небогатыми классами, сравнительно с тем количеством, какое производилось и распределялось для них во время А. Это будет сообразно с принципами, изложенными в тексте. Тот, кто не согласен с ними, должен напротив предполагать, что предметы роскоши, требуемые владельцем В, будут производиться не вместо хлеба, достававшегося прежде работникам В, а сверх этого хлеба, и что сумма продуктов поместья возрастет в количестве. Но мы спросим, каким же образом произойдет это удвоенное производство, каким образом фермер, капитал и труд которого были уже совершенно заняты при А, получит силу удовлетворять новым потребностям В, не производя других вещей в меньшем количестве? Единственный способ, какой можно представить, состоит в том, что он сначала произведет хлеб, а потом, дав этот хлеб работникам, которых прежде кормил А, произведет их трудом предметы роскоши, требуемые В. Так действительно должны думать несогласные с изложенным в тексте взглядом писатели, когда настойчиво потребуются, чтобы они разъяснили свое понятие о деле. Но если так, само собою очевидно, что В должен до второго года ждать своих предметов роскоши; а он требует их в первый год. По первоначальным условиям гипотезы он потребляет свой роскошный обед ежедневно с первого дня, и расход этот идет равномерно расходу порядки хлеба, которые прежде А раздавал своим работникам. Нет времени, чтобы сначала произвести пищу работникам, а уже потом удовлетворить В: он и они не могут вместе получить удовлетворение своим потребностям; он может удовлетворить своему запросу на товары только тем, что оставит без удовлетворения такое количество запроса работников, какое прежде удовлетворялось из получаемой им суммы.

Могут возразить, что время единственная вещь, нужная на то, чтобы

Мы видим, что запрос, отложенный до окончания дела, не делающий никакой затраты на производство, а только уплачивающий за затраты, сделанные другими, нисколько не составляет запроса на труд; сумма, израсходованная таким способом, не дает ровно никакого занятия труда, и по отношению к рабочему классу она все равно что вовсе не существует: она не создает и не может создавать никакого занятия для труда иначе, как через уменьшение другого уже существовавшего занятия для труда*.

расход В сделался совместен с занятием работников в таком же размере, как при А, и что если так, то зачем же нам не предположить, что В отлагает свое личное потребление предметов роскоши до той поры, пока они могут быть доставлены ему трудом людей, работавших для А? Могут сказать, что в этом случае В даст занятие и пищу такому же количеству труда, как его предместник. Конечно, он даст это количество, но почему даст его? Потому, что его доход станет издерживаться тем же самым способом, как издерживался доход его предшественника, — будет издерживаться на рабочую плату. А не обращал на свое личное потребление ту сумму, какую прямо платил работникам; В поступает точно так же, только не своими руками выдает эту сумму работникам, а оставляет ее в руках фермера, чтобы он выдавал ее работникам. При таком предположении В в первый год, не расходуя сам на себя этой суммы ни по способу А, ни по своему будущему способу, в сущности сберегает эту часть своего дохода и ссужает ею фермера. И если в следующие годы, ограничиваясь годичным доходом, он оставляет в руках фермера эту прежнюю сумму, она становится прибавкою к капиталу, на которую фермер может постоянно занимать трудом и продовольствовать работников А. Никто и не говорит, что такой переход от издерживания дохода на плату за труд к сбережению этого дохода для затраты его в виде капитала отнимает занятие у работников. Мы говорим только то, что занятие у работников отнимается переменою, состоящую в покупке товаров на личное употребление вместо нанимания работников; об этом и говорила наша первоначальная гипотеза.

В нашем примере предполагалось, что нет продажи и покупки, что не употребляются деньги. Но предположение, нами составленное, соответствует действительному ходу дел во всем, кроме подробностей механизма. Вся страна целой нации составляет в сущности одну ферму и фабрику, из которой каждый член общества получает свою определенную часть продуктов, имея в своих руках известное число жетонов, называемых фунтами стерлингов (рублями), которые, когда ему нужно, он возвращает назад, обменивая на какие угодно ему товары в размере части продуктов, приходящейся на его долю. Он не дает предвещения о том, каких вещей он потребует, как даются эти предвещения в нашей гипотезе. Но торговцы и производители сами имеют возможность узнавать это из наблюдений, и каждая перемена в запросе немедленно производит соответствующую перемену в заготовке продаваемых вещей. Если потребитель вместо издерживания части своего дохода на рабочую плату станет в тот же самый день (а не в следующий, не в какой-нибудь отдаленный день) издерживать эту часть на вещи для своего личного потребления и будет держаться этого нового способа расходования столько времени, что производство успеет приспособиться к такой перемене запроса, то, после такой перемены в производстве страна будет производить пищи и других товаров для употребления работников в количестве меньшем прежнего на ту самую ценность, какую имеют вновь потребовавшиеся предметы роскоши, и работники в общей своей массе станут в положение худшее прежнего пропорционально этой сумме. — Прим. авт.

* Вообще надобно только понять ясным образом основание всякой теории, чтобы самому уже видеть, каким ограничением подлежит она. Есть случаи, в котором запрос на товары может создавать занятие для труда: это бывает, когда работник уже и без того имеет пропитание, но время у него не все занято пропитывающим делом. Работа, делаемая в часы досуга людьми, получающими средства из другого источника, может (как мы уже замечали)

Запрос на бархат делает по отношению к занятию труда и капитала только то, что определяет, какое количество прежде существовавшего занятия должно быть обращено на известный путь вместо других путей; но для производителей, уже занятых выделкою бархата, это обстоятельство имеет величайшую важность. Для них уменьшение запроса бывает действительною потерю, и хотя бы ни один кусок их товара не пропал окончательно непроданным, эта потеря может возвышаться до такой величины, что они найдут нужным для избежания больших потерь прекратить свое производство. Увеличение запроса дает им, напротив, средства расширять свои обороты, получать прибыль на больший капитал, если он есть у них или можно им занять его; при быстрейших оборотах своего капитала они дадут более постоянное занятие своим работникам или увеличат число их. Таким образом, увеличение запроса на товар в самом деле часто имеет своим следствием то, что в отдельной отрасли промышленности прежний капитал дает большее занятие труду. Но ошибка состоит в том, что не замечают одного обстоятельства: эта выгода приносится труду и капиталу в одной отрасли промышленности только отнятием такой же выгоды у другой отрасли; а когда перемена произвела свое естественное действие, привлекла к известному занятию лишний капитал, пропорциональный увеличившемуся запросу, прекращается выгода и для этого занятия.

Запрос на товары имеет важность собственно в теории обмена, а не в теории производства. В общей массе и в постоянном ходе дел вознаграждение производителя происходит из производительной силы его капитала. Продажа продукта за деньги и потом расходование денег на покупку других товаров просто феномены обмена равнозначительных ценностей для взаимного удобства. Правда, что разделение занятий служит одним из главных средств увеличения производительной силы труда и что поэтому обмен порождает большое увеличение продуктов; но и с этой стороны труд и капитал вознаграждаются производством, а не обменом. Операцию обмена, ведется ли она прямо, меною товара на товар, или посредством денег, мы, все равно, должны представлять себе просто механизмом, которым каждый вознаграждению за свой труд или за свой капитал дает ту особенную форму, которая наиболее пригодна для него; но никак мы не должны считать эту операцию источником самого вознаграждения.

10. Принципы, нами изложенные, обнаруживают ошибочность множества поверхностных силлогизмов и мнений, постоянно возрождающихся в новых формах. Например: многие, и в том числе люди, от которых следовало бы ждать более здравого взгляда, утверждают, что ошибочно доказательство в пользу налога на доходы, говорящее, что он падает на высший и средний классы и шадит бедный класс; некоторые даже называют это доказательство обманом. Говорят, что налог на доходы, взят у богатых то, что они расходовали бы разными уплатами бедным, вредит бедным столько же, как если бы прямо брался с них. Что сказать о таком мнении, мы даже не знаем. Та часть сумм, взимаемых налогами с богатых, которая была бы сбережена и обращена в капитал или хотя бы израсходована на содержание и плату служителям и другим разрядам непроизводительных работников, если бы не было налогов, эта часть налогов действительно уменьшает запрос на труд и обращается во вред бедным; каждый налог на богатых имеет в

быть предпринимаема, не отвлекая от других дел никакого капитала, кроме той (часто ничтожной) суммы, какая нужна на расход для покупки материалов и инструментов. К этому случаю основания нашей теоремы не относятся, потому что не относится к нему и самая теорема. Занятие такого рода может порождаться возникновением требования на товар, не лишая труда соответствующей суммы занятия ни в каком другом деле. Но даже и в этом случае требование действует на труд не иначе, как только через посредство существующего капитала: оно только дает капиталу побуждение приводить в действие большее количество труда, чем прежде. — *Прим. авт.*

себе такую часть, производит в большей или меньшей степени такое действие; потому невозможно обложить богатых таким налогом, из которого бы никакая часть не могла упасть на бедных. Но даже и тут остается вопрос: когда правительство соберет налог, не употребит ли оно на прямую покупку труда столь же значительную часть его, какую употребили бы лица, заплатившие налог. А кроме того, остается в налоге другая часть, которая, если бы не была уплачена правительству, была бы вся израсходована на товары (если же уплата налога произведена займом от капиталиста, к этой части нужно даже прибавить и ту, которая была бы употреблена на плату за услуги). По принципам, нами изложенным, видно, что вся эта часть налога окончательно падает на богатых и вовсе не падает на бедных. Когда мы будем говорить об этой части налога, то надобно сказать, что взимание налога не производит никакого уменьшения в запросе на труд. Капитал, дававший до налога занятие работникам страны, остался и после налога в прежнем количестве и может давать занятие прежнему числу работников. Количество продуктов, идущее на рабочую плату, или назначаемое на прокормление и одежду работников, не уменьшилось в своем размере.

Если бы писатели, мнение которых я оспариваю, были справедливы, то невозможно было бы взять налог ни с кого, кроме бедных. Если брать налог из сумм, расходуемых на покупку продуктов труда, значит брать налог с работников, то рабочий класс один платит все налоги. Но этим силлогизмом доказывается также и то, что вовсе нельзя взять налог с работников: налог будет израсходован или на плату за труд, или на товары, стало быть, он весь возвратится к работникам. Если так, налоги имеют странное свойство: они не падают ни на кого. По этому взгляду следовало бы также, что можно без убытка для работников взять у них все, что они имели, и раздать другим членам общества. Ведь взятое у них имущество тоже было бы «израсходовано на плату им»; а по взгляду, нами опровергаемому, полагается, что этим покрыт весь их убыток. Ошибка этих писателей происходит оттого, что они не смотрят прямо на действительные явления, а останавливаются только на внешнем механизме денежных платежей. Если мы посмотрим не на судьбу денег, не на то, что происходит с деньгами, которые просто переходят из рук в руки, а на то, что происходит с товарами, которые идут в употребление и потребляются, то мы увидим, что налог на доходы действительно уменьшает потребление тех классов, с которых берется. Та сумма, на которую уменьшается от него их потребление, берется действительно с них; эту свою частью налог падает действительно на них. Она уплачивается тем, что без налога они обратили бы в свое личное потребление. Наоборот, есть в этом налоге часть, составляемая вычетом из того количества продуктов, которые без налога пошли бы на потребление рабочего класса. Эта часть составляет тем, чего богатые не потребили бы сами, а сберегли бы на содержание производства или истратили бы на содержание и на плату непроизводительным работникам: эта часть действительно берется с бедных. Но если правительство расходует (и, вероятно, оно в самом деле расходует) из налога на прямое занятие труда (на наем матросов, солдат, полицейских служителей) не меньше того, сколько израсходовали бы лица, уплатившие налог, или если оно даже увеличивает капитал страны уплатою государственного долга, то налог вовсе не отнимает никакого занятия у рабочих классов, а, напротив, быть может, дает им даже больше занятия, чем имели бы они без налога. Если так, то весь налог падает исключительно на те классы, с которых предполагалось взять его.

Из всей той части продуктов страны, которая действительно и буквально потребляется всеми другими ее членами на их личные потребности, ровно ни одна доля ни малейшим образом не продовольствует труда. Потребление не служит ни на чью пользу, кроме того самого человека, который потребляет. А человек не может, сам потребляя свой доход, передавать его на потребление другим. Когда часть дохода берется у человека налогом, это не может составлять лишения вместе и для него и для других, а составляет лишение только или для него, или для других. Чтобы узнать, кто потерпел

лишение, мы должны узнать, чье потребление должно было сократиться от налога: кто бы ни был этот человек, потребление которого сокращается, собственно он и есть то лицо, на которое действительно падает налог.

Глава VI

Оборотный и основной капитал

1. Для дополнения наших объяснений о капитале необходимо сделать несколько замечаний о тех двух разрядах, на которые он обыкновенно разделяется. Различие между ними замечается очень легко, и мы часто касались его в двух предыдущих главах, хотя и не употребляли терминов, обозначающих его. Теперь пора нам определить эту разницу точным образом и указать некоторые из ее последствий.

Когда капитал затрачивается на производство какого-нибудь товара, часть затраченного капитала перестает быть капиталом, будучи раз употреблена в дело. Она уже не может содействовать производству, по крайней мере не может содействовать ему прежним способом или не может содействовать прежнему производству. Такова, например, часть капитала, состоящая из материалов. Сало и поташ, из которых делается мыло, раз пошедши в дело, перестают быть поташом и салом и в другой раз уже не годятся на выделку мыла, хотя в новой своей форме мыла могут служить материалом или орудием в других отраслях фабрикации. К тому же классу надобно причислить часть капитала, идущую на рабочую плату или потребляемую в виде продовольствия работников. Когда бумагопрядильный фабрикант заплатил часть своего капитала работникам, эта часть уже перестает быть капиталом, по крайней мере капиталом бумагопрядильного фабриканта; та доля этой части, которую потребляют работники, уже вовсе перестает быть капиталом; если даже сберегут они другую долю, ее скорее надобно считать новым капиталом, результатом второй операции сбережения. Капитал, исполняющий таким способом в один только раз все свое дело в производстве, на которое обращен, называется оборотным капиталом. Термин этот, не совершенно удобный, заимствован от того обстоятельства, что эту часть капитала надобно постоянно возобновлять продажей изготовленного продукта, а по возобновлении постоянно приходится тратить ее на покупку материалов и на выдачу рабочей платы, так что она исполняет свое дело, переходя из рук в руки, а не оставаясь неподвижной*.

Другую и также очень большую часть капитала составляют орудия производства, имеющие более или менее прочный характер и производящие

* Вот Милль уже подстановляет понятие денег вместо понятия продуктов и материалов производства. Если мы не забудем, что дело собственно состоит не в деньгах, а во всех разнообразных вещах, нужных для производства и только покупаемых на деньги, то мы не скажем, что, «возобновив оборотную часть капитала, надобно тратить ее на покупку материалов и на выдачу рабочей платы». Ведь капитал в сущности вовсе не деньги, а материалы, инструменты, здания и другие вещи, нужные для производства; пока у нас в руках только еще звонкая монета, у нас еще нет капитала в научном и единственном точном смысле слова. Мы должны сказать: «возобновив оборотный капитал, надобно вновь постоянно расходовать его переработкою в продукт одной его половины и раздачею другой половины работникам». Это замечание относится только к форме выражения, но неточность выражения показывает сбивчивость самых понятий или по крайней мере невнимательность к охранению их в ясности. Если угодно, можно сказать, что все ошибки школы Смита происходят от этой смутности понятий: но мы увидим, к какой неудовлетворительности ведут эти ошибки в теории распределения.